

О поступлении на химфак, конфликте с Синявским и Эткиндом и потерянной части архива Солженицына

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1712>

29 мая 2014

Собеседник

Чуковская Елена Цезаревна

Ведущий

Формозов Николай Александрович

Дата записи

Беседа записана 29 мая 2014 и опубликована 6 июня 2016.

Введение

Четвертая часть из цикла бесед с Еленой Чуковской посвящена кардинальной переоценке восприятия окружающей действительности: от школьного увлечения комсомольской идеологией через поступление в университет к знакомству с Солженицыным, изменившему ее жизнь. Она рассказывает, как после окончания университета работала в НИИ элементоорганических соединений АН СССР и параллельно помогала Корнею Чуковскому в переписке с читателями. А после знакомства с Солженицыным всю последующую жизнь посвятила работе над его рукописями.

Елена Чуковская вспоминает, каким образом всем помощникам писателя удавалось держать связь, сохраняя безопасность. Она приводит яркие портреты людей, связанных с Солженицыным и семьей Чуковских, среди которых Аркадий Белинков, Ефим Эткинд, Наталья Решетовская и Елизавета Воронянская.

В разговоре много воспоминаний о трудных взаимоотношениях, обидах, ложных надеждах и прямых конфликтах. Так Чуковская рассказывает о сложном отношении к Синявскому из-за его высказываний о Солженицыне, недопониманиях с Эткиндом и своих впечатлениях о первой жене Солженицына Наталье Решетовской.

Елена Цезаревна Чуковская: Школа – это было мое большое увлечение комсомолом. У мамы был такой давний знакомый Лев Оскарович Арнштам, который снимал в это время фильм о Зое Космодемьянской.

Николай Александрович Формозов: Это была еще война?

Е.Ч.: Нет, это была не война по-моему. Я не помню, когда вышел этот фильм. Я училась в школе где-нибудь в 7-м, 8-м классе. Не могу я вспомнить сейчас. Да, сразу после войны, может быть, 45-й год. Я помню, что меня совершенно потряс... Да, а Лев Оскарович, у него был билет, поскольку он был киношник, и можно было ходить в дом кино и смотреть разные фильмы. И я посмотрела этот фильм о Зое Космодемьянской, который меня совершенно потряс.

Н.Ф.: Его?

Е.Ч.: Да, у него был фильм «Зоя»*. Я всегда ходила по улицам, думала, что вот она ходила по этим улицам, такая потрясающая героиня. Потом вышла «Молодая гвардия»,** и мы выпустили в школе газету памяти героев Краснодона, хотели все ехать в Краснодон, читали эту книжку. И я в седьмом классе вступила в комсомол и быстро довольно стала секретарем комсомольской организации школы. И тут, конечно, у меня начались разочарования. Во-первых, директорша меня вызывала и давала разные указания, которые мне не нравились. Во-вторых, меня вызывали в райком и тоже там наставляли, как действовать. В общем, когда я заканчивала школу, у меня уже было большое разочарование в комсомоле. Когда я поступила в институт, мне уже не хотелось никакой общественной деятельности, но вместе с тем всегда она происходила, я была редактором студенческой газеты.

* Фильм «Зоя» вышел на экран в 1944 году.

** «Молодая гвардия» — двухсерийный военно-исторический фильм режиссера Сергея Герасимова. Вышел на экран в 1948 году.

Н.Ф.: А как вы выбрали химию?

Е.Ч.: Я поступала в институт в 1949 году, время было плохое. Не только Лидия Корнеевна, но и Корней Иванович были фактически без работы.

У меня было представление, что нужно делать что-то полезное, а это все — не полезное, литература — это ерунда на постном масле, никому не нужная, вредная и прочее. У меня всегда было очень плохо с черчением, поэтому идти в технический вуз я не могла, значит, могла идти либо в химию, либо в биологию, и я колебалась. Но пошла на химический факультет.

Н.Ф.: А вы обсуждали это с Лидией Корнеевной, ваше некоторое отторжение?

Е.Ч.: Мама с ужасом относилась, по-моему, рыдала, когда я вступила в комсомол.

Н.Ф.: Но не препятствовала?

Е.Ч.: Не препятствовала, но ей это очень не нравилось.

Н.Ф.: Как же она рыдала? Трудно представить Лидию Корнеевну рыдающей.

Е.Ч.: В общем, это ее очень расстроило, конечно. А как она могла меня остановить?

Н.Ф.: У вас в доме все-таки очень много говорили довольно открыто о Сталине.

Принципиальность Лидии Корнеевны Чуковской

Н.Ф.: У вас в доме все-таки очень много говорили довольно открыто о Сталине.

Е.Ч.: Я бы не сказала, чтобы в 1940-е годы очень много об этом говорили. Это уже в 1950-е. А в 1940-е все были пришиблены, искали все время работу. Мама продержалась в «Новом мире», по-моему, четыре месяца, пока ее не выгнали, потом в «Пионерской правде» полгода, пока не выгнали... Очень трудно было с работой, с заработком.

Н.Ф.: Такое отношение к Лидии Корнеевне было связано с ее плохим досье, то есть это шло от первого отдела, или просто она как-то...

Е.Ч.: Нет, это шло [от первого отдела]*... Например, в «Новом мире» — просто она была человеком, который всегда отстаивал свою позицию, не умел лавировать, как это требовалось в то время. Тот же самый Арнштам, которого я упоминала, ее устроил, она была заведующей отделом поэзии в «Новом мире» при Симонове. Но она сразу стала отстаивать Заболоцкого... не своих друзей...

* В 1926 году Лидия Чуковская была арестована по обвинению в составлении антисоветской листовки. Была сослана в Саратов, где провела только 11 месяцев благодаря хлопотам отца Корнея Чуковского.

Н.Ф.: ...любимых поэтов.

Е.Ч.: ...а тех поэтов, которые ей нравились. Заболоцкий только что вернулся из ссылки, был 1946 год, то есть было много чего опасаться. Она сразу столкнулась, как она считала, с комиссаром при Симонове Кривицким.

И за четыре-пять месяцев ее там съели, как и везде, потому что она не старалась ни вписаться, ни приладиться, ни участвовать как-то, и были все-таки определенные правила у этой игры, которая происходила в 1940-е годы, да и в последующие тоже.

Н.Ф.: Она вам рассказывала: «Мне пришлось уйти, потому что я хотела опубликовать...»?

Е.Ч.: Нет, не рассказывала, просто я сейчас занимаюсь публикацией ее дневника.

Н.Ф.: Это дома не обсуждалось, ее рабочие трудности?

Е.Ч.: Нет, почему, но я их видела, конечно... Я как раз видела, что они непреодолимы, что это все время налетает на сопротивление.

Н.Ф.: А как вы объясняли для себя, что ваша мама испытывает такие трудности?

Е.Ч.: Я постепенно, но не сразу приходила к пониманию ее правоты. Во-первых, я занималась своими делами, не то, что обдумывала ее дела, ее поступки в то время. Я мало бывала дома, у меня был свой уклад. Во всяком случае, я пришла к пониманию гораздо позже, не в это время.

Н.Ф.: И вот вы вступили в комсомол...

Е.Ч.: Я вступила в комсомол, потом я кончила школу с золотой медалью, поступила в университет, и там меня сразу, кстати, хотели на какие-то посты продвинуть комсомольские, по анкете. Но я уже ушла в газету и там уже большой деятельностью не занималась. Но была тем не менее на втором курсе комсоргом группы, нашей, небольшой. Между прочим, из нашей группы вышел один академик... Сейчас мы собирались, через шестьдесят лет, я увидела этого академика и вспомнила, как я с ним сражалась в качестве комсорга, потому что они все сильно пили. И тут он тоже продолжил...

Н.Ф.: (*Смеется.*) Воспитание не помогло.

Е.Ч.: Да, мое воспитание совершенно не помогло.

Н.Ф.: Понятно.

Е.Ч.: Ну что, университет, значит, пропускаем...

Учеба в университете и выбор профессии

Н.Ф.: Расскажите про жизнь в университете, тем более это было еще здесь (в старом здании — ред.).

Е.Ч.: Да. Я училась в старом [здании] до четвертого курса. С интересом училась, у нас были практикумы химические, разные симпатичные студенты.

Н.Ф.: На какой кафедре?

Е.Ч.: Я была сначала на кафедре неорганики. У нас была квартира Зелинского*, где стояли еще его автоклавы, в которых он гидролизировал свою мышь. И мы тоже там, в этих автоклавах, опыты проводили. Напротив наших окон — медицинский институт. Мы видели, как с бутербродами сидят студенты над покойниками, что-то изучают. Как-то даже не помню ничего особенного.

Н.Ф.: А преподаватели были хорошие?

Е.Ч.: Были хорошие очень преподаватели. У нас лекции читал сам Несмеянов**, и Кочетков***, и Реутов****. Тогда они только что вернулись с войны, и Реутов, и Кочетков еще были в военной форме. Хорошо очень и интересно читали лекции.

Н.Ф.: Несмеянов был хороший лектор?

Е.Ч.: Да, хороший. Но в то время, когда я поступала в институт, он занимал, кажется, двадцать восемь постов, мы сосчитали. Он был президентом Академии [наук СССР], заведующим кафедрой, директором нашего института, ректором университета, — в общем, бессчетное было количество постов, еще в журналах [сотрудничал]. Тем не менее он хорошо читал лекции. На нашем курсе училась его дочка, Оля Несмеянова, с которой мы дружили. А младше на курс учился его сын Коля, который переводил Киплинга.

* Николай Дмитриевич Зелинский (1861—1953) — химик, один из основоположников органического катализа и нефтехимии. Наиболее известен как изобретатель первого эффективного противогаса.

** Александр Николаевич Несмеянов (1899—1980) — химик, президент Академии наук СССР, декан химического факультета и ректор МГУ. Основал направление химии элементоорганических соединений, создал в 1954 году Институт элементоорганических соединений АН СССР, которым он руководил вплоть до своей смерти (в настоящее время институт носит имя А.Н. Несмеянова).

*** Николай Константинович Кочетков (1915—2005) — химик, известен своими работами в области химии углеводов: синтезировал противотуберкулезные, противосудорожные и противоаллергические препараты.

**** Олег Александрович Реутов (1920—1998) — химик, основатель дисциплины физической органической химии.

На четвертом курсе мы переезжали в новый университет. Что я помню: мы ездили туда, студенты, проводить политзанятия среди рабочих. Там стояли бараки, и мы им что-то рассказывали, помню, про Германию. Это был год, по-моему, 1953-й. Рабочие предложили нам: «Хотите подняться в высотном здании, посмотреть на Москву сверху?» Тогда же не было высоток. Мы, конечно, сказали, что хотим.

” На лифте они нас подняли на двадцать восьмой этаж. И тут я увидела — это был вечер, — как от университета колоннами расходятся заключенные с собаками. Это было сильное впечатление: университет строили заключенные.

Н.Ф.: Да, я знаю. А вы смотрели в сторону Москвы, наверное?

Е.Ч.: Да. Мы как-то сверху, на Ленинс[кие горы]...

Н.Ф.: На Ленинские горы. И где были бараки, интересно?

Е.Ч.: Я боюсь что-нибудь наврать, помню только, что по радиусу как-то шли эти колонны. И потом, когда печатался «Архипелаг», там есть страница, что строили заключенные. Я вписала в эту строку «Московский университет», потому что они строили Московский университет. И мы переехали. Но там только диплом

делали на пятом курсе, в новом здании, то есть я там не очень много была.

Н.Ф.: А вы с неорганики перешли...

Е.Ч.: Перешла на органику и заканчивала органику уже. После чего, как раз в тот год, когда я кончала, Несмеянову построили институт элементоорганических соединений на улице Вавилова. Очень многих с нашего курса взяли в этот институт, в том числе и меня. Я пришла в институт старшим лаборантом, и дальше там уже защищала [кандидатскую].

Работа в Институте элементоорганических соединений

Н.Ф.: А в каком отделе вы работали?

Е.Ч.: Я была у Фрейдлиной в отделе элементоорганических соединений, была лаборатория, от которой уже, конечно, ничего не осталось... Тогда там у нас были ученики Несмеянова: Кнунянц*, Кабачник**, все эти академики. Лаборатория Кнунянца была наискосок от лаборатории, в которой наш профсоюзный лидер какой-то работал, не помню его фамилии. И вот у нас рассказывали, что пришли наниматься какие-то глухонемые люди, а в это время к Кнунянцу шла делегация важных военных. И они, не разбираясь в толпе, в составе делегации пришли на совещание военное.

Н.Ф.: Глухонемые?

Е.Ч.: Глухонемые. И отсидели все совещание. Кнунянц начал вызывать машину и говорит этим генералам, что нужно вызвать, наверное, две машины, вы не поместитесь. А они говорят: «А это не с нами». Началась жуткая паника, поволокли этих людей в первый отдел. А там у нас был такой совершенный капитан Миляга, как описал его Войнович, очень приветливый дяденька. Рассказывают, что он их тряс и спрашивал: «Шпрехен зи дойч?» (*Смеются*.) Ничего не мог из них вытрясти. Потом оказалось, что они пришли наниматься в полотеры. В общем, это был огромный скандал на весь институт, говорят, наш первый отдел склоняли долго. Но вообще был очень большой, огромный институт, вы, наверное, его видели.

* Иван Людвигович Кнунянц (1906—1990) — химик, основатель научной школы фтороргаников.

** Мартин Израилевич Кабачник (1908—1997) — химик, создатель и заведующий лабораторией фосфорорганических соединений ИНЭОСАН.

И потом было с ним потрясающее событие в 1967-м, по-моему, году — произошел пожар. Я очень это запомнила, потому что в этот вечер была почему-то в гостях у Надежды Яковлевны Мандельштам... Обратно ехала на такси, мимо института, и все было в порядке, это было часов десять вечера. Утром иду на работу, помню, большой мороз, иду, воротник поднят, смотрю на институт — и вижу, что все залито, льдины висят, окна выбиты. Причем сразу же первая мысль, что пожар, конечно, из-за меня случился. Потому что у нас все время какие-то плитки [горят]... Я даже не сообразила — он [институт] буквой Г, — что сгорело вот это здание, а я была во флигеле. В общем, с ужасом вхожу в институт, там развал полный, все залито водой.

Н.Ф.: Где же, в вашем крыле?

Е.Ч.: Нет, в нашем крыле ничего, наше крыло сохранилось как раз, но это не сразу понимаешь, когда там... Сотрудники все что-то носят.

Н.Ф.: Ну да.

Е.Ч.: Оказалось, что кто-то оставил включенную плитку. У нас там сидела дежурная, вязала чулок, и когда увидела, что начала тлеть проводка, включила тяги — там же всюду тяги стоят в химическом институте. Несмеянову весь институт облицевали вьетнамской соломкой, у нас все двери, легкие, красивые, были

из этой соломки, и всё это вспыхнуло как факел. Сразу разнесло по всем этажам. Приехали пожарные. Во-первых, они боялись — там же натрий у нас — боялись взрывов. Кроме того, долго очень искали воду. Никто не знал, ночью будили сотрудников, где искать эти включения — им нужны были какие-то подводки во дворе. В общем, сгорело все большое крыло. В это время как раз институту дали орден за заслуги. Помню, в полуобгоревшем зале собрали сотрудников, и Несмеянов вручал орден.

Но потом все отстроили и облицевали уже не солодкой, а железом, у нас были железные двери, железные коридоры.

Институт наш был хороший, интересный, много было народу замечательного. Потом, когда вот началась история с нашим музеем и домом, суды и прочее, мне очень помогали институтские друзья. Вообще все делали, привозили домкраты, на которых поднимали фундаменты. У нас была большая лаборатория физиков, и у них были...

Н.Ф.: А нужно было делать ремонт в доме?

Е.Ч.: Да, но это уже другая история, не связанная с институтом. В институте я отработала тридцать четыре года...

Н.Ф.: Александр Исаевич пишет, что вы были не удовлетворены, защитившись. Какая, кстати, у вас была тема диссертации?

Е.Ч.: У меня была «Реакция теломеризации...», я уже не помню точно всего названия, но я занималась кремнийорганикой. Когда в «Известиях» напечатали экзамен по химии, ЕГЭ, и я пыталась ответить на вопросы, то по-моему, процентов пятьдесят одолела, не больше. За десятый класс уже не отвечу сейчас.

Н.Ф.: Понятно. Но, может быть, плохо сформулированы были вопросы.

Е.Ч.: Да нет, хорошо сформулированы.

Н.Ф.: Понятно.

Е.Ч.: Уже прошло сколько лет... Я ушла в 1988 году из института.

Н.Ф.: О, да, немало.

Помощь Солженицыну

Н.Ф.: Александр Исаевич пишет, что вас не удовлетворяла наука и что вы хотели какого-то иного дела.

Е.Ч.: По-разному было в науке, не знаю, как у вас. Были какие-то моменты, когда работа шла, было интересно, я сидела там до ночи. А были какие-то служебные канители, было время, когда не все получалось... В общем, разные были периоды в работе. Но ко времени, когда появился Солженицын, я бы не сказала, что много занималась литературными делами в это время. Я немножко помогала Корнею Ивановичу, он уже начинал «Чукоккалу» готовить к печати. Всегда приходилось помогать маме, потому что у нее было очень плохо с глазами, поэтому я привычно читала корректуры. В 1950-е — 1960-е годы у нее были издания, выходили ее книжки. В общем-то, я занималась не сильно, технической помощью литературной.

Н.Ф.: А то, что вы — это я знаю из приложения к «Бодался теленок с дубом» — вели у Корнея Ивановича всю его переписку...

Е.Ч.: Нет-нет.

Н.Ф.: ...специально приезжали для этого по воскресеньям, и очень интенсивно помогали, и вторая ваша работа была помощь Корнею Ивановичу.

Е.Ч.: Я действительно приезжала по воскресеньям, действительно помогала. Но что значит вела

переписку? Ему переписка шла сюда, он получал очень много писем, больше десяти в день. Ему шли письма и по книгам, тогда было все по-другому, тогда писали по поводу выходящих книг, писали родители для «От двух до пяти», — в общем, много ему писали. Я ему привозила эти письма, на которые он сам отвечал, то есть я никогда в это не вмешивалась. Я ему помогала — у него были папки — раскладывать письма по алфавиту. У него была папка «Идиоты» (*смеется*). Я и раскладывала письма по папкам...

Н.Ф.: ...по темам.

Е.Ч.: По темам, да. Отвечал он всегда сам. На все письма он отвечал сам.

Н.Ф.: Он писал от руки?

Е.Ч.: Писал от руки, да. Тогда не было компьютеров, на машинке он не печатал. Если какие-то деловые — он писал много писем в защиту, каких-то обращений, — тогда ему секретарь печатал на машинке, но все равно писал он всегда сам.

Н.Ф.: Но он не сохранял черновики?

Е.Ч.: Нет.

Н.Ф.: Или копии своих писем?

Е.Ч.: Нет. Это потом Александр Исаевич придумал. У него была дощечка пластиковая, он писал шариковой ручкой и мог оставить копию. Нет, Корней Иванович до этого не дошел, во-первых, еще, по-моему, и шариковых ручек почти не было, так что никаких копий. Для собрания сочинений с жутким трудом собирали с Евгенией Викторовной его письма, причем он не только не оставлял копий, он не ставил даты на письмах, что составило отдельные трудности при издании. Так что я просто приезжала на дачу, там помогала что-то переложить.

Н.Ф.: Но вы очень активно тогда включились в помощь Александру Исаевичу.

Е.Ч.: Но дело в том, что Александр Исаевич ведь не жил в Москве, он приезжал буквально по минимуму старался, очень плохо выносил Москву. А дела его многие оставались здесь. Какие? Вот «Раковый корпус»: отдать этому, взять у того, передать туда, то есть связанные с распространением его книг — раз, с распространением его писем, потому что тогда сначала было письмо Четвертому съезду [Союза писателей], а потом были бесконечные изложения его битв с Союзом писателей. Вот, собственно, этим я и занималась. Я видела очень много народу, который приезжал за этими материалами. В разное время разным занималась. Например, слушая Марию Александровну, я вспоминала, что, когда началось «Красное колесо», я очень много занималась тоже какими-то рефератами, книжками.

Н.Ф.: А что за рефераты, вы помните?

Е.Ч.: Смутно очень. Нет, не помню. Что-то по стенограммам думским, по-моему, я смотрела.

Н.Ф.: А сохранились эти записочки, где Александр Исаевич говорит: мне нужны такие-то вопросы, такие-то, такие-то?

Е.Ч.: Какие-то сохранились, какие-то не сохранились. Сохранились у Натальи Дмитриевны [Солженицыной], там я какие-то картотеки составляла, пачки конспектов, но это уже в связи с «Колесом» было. А в связи с «Архипелагом» — я узнала об «Архипелаге», когда он был написан, то есть я только печатала. И видела многих людей, то есть не многих, но некоторых.

Н.Ф.: Вот это очень интересно, расскажите, кого вы помните.

Е.Ч.: Они все известны. Я хорошо помню Столярову, конечно.

Н.Ф.: Вы были знакомы независимо...

Е.Ч.: Да, она была секретарем Эренбурга. Я помню, она первый раз появилась, когда шло дело Синявского

и Даниэля. Именно Наталья Ивановна принесла книжку Синявского «Суд идет», которая меня поразила своей, я бы сказала, ничтожностью.

Маневры Белинкова

Е.Ч.: Книжка мне безумно не понравилась, я это запомнила, потому что Лидия Корнеевна тогда выступила в защиту с письмом Шолохову. Но книжка и ей не понравилась. Я тогда была хорошо знакома с Белинковым и впервые наблюдала за его маневрами. Когда шел процесс Синявского и Даниэля, жена его спрятала, чтобы он ничего не подписывал. Они, по-моему, даже жили на другой квартире. Я пришла к ним, и за чашкой чая зашел разговор о Синявском. Я говорю, что поражена этой книжкой, что книжка очень слабая. Белинков встал в строгую позу и говорит: «Как вы можете! Человек сидит, а вы такое говорите!» Я говорю: «Я же не выступаю с этим на собрании, я просто говорю об этом вам». В общем, он был очень возмущен тогда мною, но сам никак не участвовал в этом.

Н.Ф.: Понятно. Он же, по-моему, студентом Литературного института был арестован. Так что он очень был...

Е.Ч.: Да, он был арестован студентом Литературного института, и когда вышел, по-моему, в Доме творчества познакомился как-то с мамой, с Корнеем Ивановичем. Корней Иванович очень ему сочувствовал. Помню, они снимали дачу в Переделкино, он сам носил ему обеды. В общем, очень сочувствовал Белинкову. И я с ним одно время тоже много виделась, но потом увидела его маневренность большую, и это мне было совсем не близко. Потом была с ним история, тоже запомнившаяся, с «Раковым корпусом».

Н.Ф.: Интересно.

Е.Ч.: Значит, он позвонил мне и попросил приехать. Тогда у меня времени было очень мало. Я приехала, он сказал (готовилось обсуждение «Ракового корпуса»): «Мне необходимо прочитать „Раковый корпус“, я хочу выступить». Тогда же не было книг, надо было искать рукопись. Помню, я искала по Москве рукопись, привезла ему и чувствовала уже, что что-то здесь нечисто. И когда — на обсуждении «Ракового корпуса» я не была — кто-то оттуда позвонил, я не поленилась, спросила: «А был там Белинков?» — «Был». — «А он выступал?» — «Нет, не выступал. Встала его жена и сказала, что он себя плохо чувствует». Ну, это могло быть, он был человек больной.

Н.Ф.: Интересно, что она туда пошла вместе с ним.

Е.Ч.: Ну, это тоже — он действительно был очень болен.

Н.Ф.: Но не настолько, чтобы его сопровождали на заседания.

Е.Ч.: Я думаю, что настолько. В общем, короче говоря, так было. После этого выходит книжка, выпускаемая, по-моему, «Посевом», «Дело Солженицына», где печатаются разные документы, печатается обсуждение «Ракового корпуса» в Союзе писателей, и приложена речь Белинкова. То есть он с ней не выступал, но получилось по всем отчетам, что он с ней выступал. Это я называю большой маневренностью.

Потом он уехал в Югославию, — они же убежали, в общем. А перед этим вышли какие-то главы из Олеси с предисловием Корнея Ивановича. И это было последнее мое разочарование в Белинкове. Я прихожу к Белинкову, и он говорит: «Скажите, у вас вот не сохранилось, что написал Корней Иванович?» Тогда этот «Байкал» еще не вышел. «Вы не можете мне достать текст?» Я говорю: «Конечно могу». Прихожу к Кларе, секретарю, говорю: «Дайте, пожалуйста, Белинков хочет видеть, что Корней Иванович послал в журнал». Клара возмутилась: «Он сам написал основную колодку и проверяет, что было послано в конце концов». И я решила, что нет, я не хочу участвовать во всех этих играх. В общем, в Белинкове разочаровалась полностью.

Н.Ф.: А Корней Иванович мог подписать текст такой?..

Е.Ч.: Не мог, конечно, он что-то переписывал для дневника. В общем, то, что он проверял через меня Корнея Ивановича, мне не понравилось.

Н.Ф.: Это не очень приятно.

Е.Ч.: Он мог его самого, во-первых, спросить, они были хорошо знакомы, а так выяснять разведкой...

Н.Ф.: Да. Такая, все-таки...

Е.Ч.: Потом, когда они уехали... А дело в том, что последний год они жили очень трудно, и — я уговорила — Корней Иванович взял Наталью Александровну, жену Белинкова, помогать по «Чукоккале», тогда как раз готовилась «Чукоккала». А Наталья Александровна кончила чуть ли не Литературный институт, в общем, у нее было филологическое образование, она написала книжку потом. И она действительно помогала, но не сильно. Она нашла какие-то фотографии, в общем, несколько раз приехала, участие принимала, потом они довольно быстро уехали. И она выпустила в журнале книжку «Чуковский и его „Чукоккала“», куда вписала какие-то анекдоты, ходившие тогда. Например, что Федин — это чучело орла (которого нет в «Чукоккале»). В общем, я их рассмотрела как способных людей, которые на все способны, я бы так сказала. Потом уже Белинков выпустил — это я тоже читала — в Америке обращение к писателям, что «мой дом оцеплен агентами КГБ».

Н.Ф.: В Америке?

Е.Ч.: Он сидит в Америке, но пишет: «Я вас призываю: бросайте [писательские] билеты, бросайте писать» — в общем, призвал...

Н.Ф.: Сюда, обращение сюда?

Е.Ч.: Сюда. Тоже, по-моему, надо было либо здесь обращаться, либо уже там не обращаться.

Н.Ф.: Ну да, наверное.

Е.Ч.: У меня была подруга Сивва, с которой мы были знакомы с 1960-х годов. И у нее была...

Н.Ф.: Это дочка, падчерица Сельвинского, да?

Е.Ч.: Нет, она никакого отношения не имеет к Сельвинскому, она из Риги. Мы с ней переписывались, и, еще когда дружила с Белинковыми, я показывала ее письма, интересные были. Она уехала сперва в Израиль, участвовала в войне. Она была журналисткой, очень красочные у нее были письма. Короче, когда они приехали в Англию, они поселились у этой Сиввы, а я уже к этому времени очень расшарилась на Белинкова... А переписываться тогда было трудно. Она мне присылала фотографии: сидят Аркадий, Наташа, она с мужем. Я ей пишу: «Посылай мне только свои семейные фотографии». Я уже не знала, как мне открутиться от этих фотографий.

Н.Ф.: Да. Знаете, я, когда начинал заниматься «ГУЛАГом», у меня было ощущение, что все бывшие заключенные — это люди с сильными характерами...

Е.Ч.: С сильными характерами, да.

Н.Ф.:... Такие, как Солженицын с Шаламовым, что я встречумного-много таких людей. Потом я обнаружил, что на самом деле общее у этих людей — это то, что можно было бы аксёновским образом обозначить как «ожог». Я с этим пришел к одной знакомой, бывшей заключенной, и она сказала: «Коля, ну конечно. Если бы (смеясь) Иосиф Виссарионович так способствовал улучшению нации, может быть, зря мы свергали его памятники?»

Е.Ч.: Я их называла «седьмые щенки»...

Н.Ф.: Да?

Е.Ч.: Вот таких людей, как Столярова, как Александр Александрович Угримов, которые пережили лагеря и сохранили и оптимизм, и веселость, и хватку, зубастость колоссальную, но не связанную... В Белинкове была лживость, которой не было в остальных названных людях. В нем была какая-то повышенная маневренность. Конечно, там он потерял здоровье, и, может быть, я слишком строго его сужу.

Н.Ф.: Да нет, человек он, безусловно, был очень талантливый, мне кажется.

Е.Ч.: Нет. Я не люблю его книг совершенно.

Н.Ф.: А вы читали книгу, за которую его арестовали?

Е.Ч.: Нет, «Черновик чувств» я не читала.

Н.Ф.: Я тоже не читал. Ее вроде бы издали.

Е.Ч.: Я не видела ее. Очень восхищался его друг Петровский, я читала «Тынянова» и читала рукопись «Олеши». Кстати, тоже с «Олешей» я налетела. Это была на машинке напечатанная рукопись, и там было предисловие, которое мне безумно не понравилось. Я сказала Аркадию про это, что, мне кажется, предисловие совершенно...

Н.Ф.: Его же предисловие?

Е.Ч.: Его предисловие, да. И он мне сказал: «Вот какой вы удивительный человек: кроме вас, все восхищены этим предисловием». После чего я приезжаю в Переделкино, встречаю Кому Иванова*, который говорит, что читал эту книгу, но «мне так не понравилось предисловие, я сказал Аркадию». То есть он даже в мелочах почему-то врал.

* Прозвище Вячеслава Всеволодовича Иванова

Н.Ф.: Да, чудно.

Е.Ч.: А книжка — это был такой памфлет. Он сосчитал, сколько раз Олеша выступал в 1937 году с какими-то не теми речами. Огромная, тысячелистная книга. По-моему, ее читать невозможно.

Александр Солженицын

Н.Ф.: Понятно, понятно. Ну, то есть вы окунулись... Не было такого ощущения, что вы помогали-помогали Корнею Ивановичу, а потом стали очень энергично помогать Александру Исаевичу, и что...

Е.Ч.: Корнею Ивановичу я помогала гораздо меньше, просто, приезжая по воскресеньям, я ему папки перекладывала, с «Чукоккалой» какие-то собирала материалы.

Н.Ф.: На это хватало времени в дальнейшем или все-таки это как-то сократилось?

Е.Ч.: Нет, кстати, сократилось, конечно. Хотя нет, получилось так, что «Чукоккала» сама завязла. Мы деятельно этим занимались год, допустим, потом ее сдали, и потом она уже двигалась без Корнея Ивановича, так что... Да нет, времени не хватало, надо сказать. Я ходила на работу тогда каждый день, у меня было только время, когда я возвращалась с работы или в выходные, ну вот отпуска. В общем, тогда больше было сил и возможностей.

Н.Ф.: Конечно, потому что та работа, которая более-менее известна, которую вы проделывали, это как бы еще один рабочий день.

Е.Ч.: В общем, для научного работника, скажем так, это не годится, это время надо было отдавать чтению научных статей, размышлениям о том, как действовать. В общем, это раздвоение в конце концов и сгубило мою научную деятельность, потому что после смерти Корнея Ивановича я ушла на полгода из института из-за сдачи архива. Потом перешла на полставки, что было совершенно не принято и невозможно, потому что у нас все-таки экспериментами надо заниматься. И потом я уже работала через

день, то есть это уже все было не то, что надо.

Н.Ф.: Понятно. А вот вы рассказывали, что был довольно широкий круг, кому вы передавали рукописи, рукописи писем и так далее. Вы обсуждали с Александром Исаевичем, кому?

Е.Ч.: Конечно-конечно. Никакой самодеятельности тут не было, все было очень взвешенно. Например, когда он рассылал свое письмо Четвертому съезду, он сам выбирал этих авторов, надписывал сам конверты, то есть сам решал, кому...

Н.Ф.: Это было письмо, которое предваряло съезд?

Е.Ч.: Его знаменитое письмо Четвертому съезду... Собственно, это был первый большой его публицистический выход. Я очень хорошо помню, как он давал первое интервью японцам. Он пригласил японцев в Центральный Дом литераторов, где только что обсуждали «Раковый корпус». И там привыкли на него смотреть как на центральную фигуру.

Он пришел, сел в вестибюле, собрал этих японских журналистов и наговорил им много нелестного для Союза писателей. Но поскольку это было японское интервью, абсолютно никакого резонанса оно не вызвало. С этих пор он очень смотрел, кому давать интервью, потому что до нас это никак не дошло.

Он это интервью, первое, давал иностранцам, в холле Союза писателей.

Н.Ф.: Понятно. А интересно, оно в том публицистики...

Е.Ч.: Сомневаюсь очень, вряд ли оно переведено.

Н.Ф.: Да, потому что японцы...

Е.Ч.: Это была, по-моему, газета «Осахо», но я могу наврать.

Н.Ф.: То есть их было несколько японцев?

Е.Ч.: Да.

Н.Ф.: Понятно. А с письмом писателям...

Е.Ч.: Это был 1967 год.

Н.Ф.: Да. А потом были стенограммы его выступлений, его борьбы...

Е.Ч.: Да, изложения были, обсуждения «Ракового корпуса», все эти его битвы с Союзом [писателей], которых было несколько.

Н.Ф.: Это вы все перепечатывали, размножали?

Е.Ч.: Да, все это перепечатывали и тоже рассылали.

Н.Ф.: А кому посылать и раздавать? Это скорее раздавалось — как этот круг очерчивался?

Е.Ч.: Круг был литературный. Например, когда рассылалось письмо Четвертому съезду, Александр Исаевич жил в Переделкине. К нему приходил Каверин, да очень многие писатели. Катаев был за соседним забором. Он со многими там встречался, кто-то к нему приезжал туда, кто-то здесь приходил, в Москве. В общем, он сам выбирал, конечно, этих людей.

Н.Ф.: Понятно.

Е.Ч.: Я могла что-то сказать, предложить известных мне лиц, но, в общем, это было только так...

Н.Ф.: То есть приходилось с ними договариваться по телефону, что, мол, заеду и завезу?

Е.Ч.: Да, по телефону, причем не звонили из квартиры, а звонили по автоматам.

Н.Ф.: То есть надо было сказать, чтобы они вас узнали, не представляясь, и сказать, что хотите к ним заехать.

Е.Ч.: Я не помню, чтобы я ездила к каким-то неведомым лицам, но телефонные разговоры были из телефонов-автоматов. Я помню, был такой физик Миша Левин...

Н.Ф.: Да.

Е.Ч.: Вы его знаете? Он писал смешные стихи. И когда арестовывали Александра Исаевича, он написал стихи, у него была такая строчка: «Рванулась теща к автоматам, / Жена пожитки собрала» (*Смеются*). Вот я вспомнила, что «к автоматам» — это значит «к автоматам» — к телефонам.

Н.Ф.: Понятно. А вы же несколько раз перепечатывали «Архипелаг ГУЛАГ». Первый раз...

Е.Ч.: Нет, я перепечатывала один раз. Как раз с «Архипелагом» я могу очень точно сказать, что я в первый раз видела эту потрясающую рукопись на выставке только. Я ее не видела, она была закопана в Прибалтике.

Н.Ф.: Да.

Е.Ч.: А я видела пять частей «Архипелага», который перепечатал сам Солженицын. Он перепечатал без просвета и без полей, так же, как «Один день Ивана Денисовича». Вы, наверное, видели эти рукописи.

Н.Ф.: Ну я представляю, да.

Е.Ч.: Вот. Первые пять частей. Последние две он не перепечатывал. Потом, когда он захотел и начал что-то проверять, встречаться с людьми, захотел что-то править, править было невозможно. Он отдал все это Елизавете...

Н.Ф.: Денисовне.

Е.Ч.:... Денисовне [Воронянской]*, которая печатала с полями, с пробелами, как полагается. Собственно, у нее один из этих экземпляров потом и захватили, из ее перепечатки. Я видела тот, с которым работал Солженицын, с которого печатала я. В этот экземпляр он вносил поправки, многочисленные. Я печатала с экземпляра, перепечатанного Воронянской и исправленного Солженицыным. Это было один раз. Причем я печатала здесь, дома, первый том и у него на даче — второй. А третий печатала тоже Воронянская. А дальше эту пленку услали, и он вносил поправки, которые, по-моему, делала Наталья Дмитриевна — я даже про них и не знала — в начале 1970-х годов. Она потом говорила, что были поправки здесь и еще какие-то поправки делались там, потому что он все время получал уточнения.

* Елизавета Денисовна Воронянская (1906— 1973) — помощница и машинистка А.И. Солженицына, тайная хранительница части его рукописей.

Н.Ф.: Да-да.

Е.Ч.: Выслал какой-то не тот народ, я помню.

Н.Ф.: Да, это вы рассказывали.

Е.Ч.: Что-то такое было. Нет, я только один раз с этим имела дело.

Елизавета Денисовна Воронянская

Н.Ф.: А с Воронянской вы познакомились тогда же?

Е.Ч.: С Воронянской я познакомилась раньше, по-моему... Во всяком случае, когда мы печатали, я уже была с ней хорошо знакома, она даже жила у нас в этой квартире какое-то время. Тогда она мне казалась очень старой, ей было больше семидесяти лет. Она была очень экспансивной женщиной, экзальтированной,

безумно преданной Солженицыну, очень увлеченной всеми его делами. Ужасный быт у нее был, я была у нее на Разъезжей. Это была коммунальная квартира с большим коридором, и у нее был «пенал», узенькая комнатка, а своих соседей она называла «неандертальцами». Я думаю, откуда ее раскопал Александр Исаевич. Как выяснилось потом, она была приятельницей и училась вместе с Ириной Николаевной Томашевской. Я думаю, что, наверное, оттуда он ее узнал, а может быть, я ошибаюсь.

Н.Ф.: Она написала ему письмо, это письмо опубликовано.

Е.Ч.: А, да-да.

Н.Ф.: Она написала письмо в связи с выходом «Одного дня».

Е.Ч.: Да, как раз наоборот.

Н.Ф.: Томашевская через нее.

Е.Ч.: Наоборот, я думаю, что с Ириной Николаевной они познакомились через нее.

Н.Ф.: Через нее, да.

Е.Ч.: По письмам по поводу «Одного дня». Его ленинградские друзья, Екатерина Федоровна Зворыкина, жена Эткинда*, тоже написала ему письмо, благодаря которому он познакомился и с Эткингом, и с нею и одно время очень дружил, ездил с ними в поездки автомобильные.

Н.Ф.: С Эткиндами?

Е.Ч.: Да.

Н.Ф.: Я этого не обнаружил.

Е.Ч.: В 1960-е годы. Портрет, который у мамы в комнате, снят как раз во время поездки с Эткингом. Собственно, от Эткинда я узнала... Он же приехал с известием о конфискации «Архипелага», и он же мне потом говорил, что он где-то закопал экземпляр и не читал. Из-за Эткинда выслали Татищева, в общем, многое было связано с Эткингом.

* Ефим Григорьевич Эткинд (1918—1999) — филолог, историк литературы, переводчик европейской поэзии, теоретик перевода. Политический эмигрант, лишенный по политическим мотивам гражданства СССР и высланный из страны в 1974 году. Главными пунктами обвинения было хранение рукописей Солженицына, с которым Эткинд дружил более десяти лет.

Высылка Эткинда

Н.Ф.: А как вы высылку Татищева понимаете?

Е.Ч.: Я все это уже плохо помню, но, кажется, что-то они оставляли на вокзале...

Н.Ф.: Да-да.

Е.Ч.: И как-то за этим проследили.

Н.Ф.: Я слышал — читал, вернее, — что Эткинд позвонил Татищеву и сказал открытым текстом, что номер ячейки такой-то...

Е.Ч.: Ну, он вообще был ужасно легкомысленный человек, Ефим Григорьевич. Он тоже жил у нас вместе с женой, а я была в Переделкино. Эткинд забыл в магазине сумку с нашим самиздатом, и каким-то образом узналось, что это происходит из нашей квартиры, я уже не помню деталей. Мне в Переделкино позвонил какой-то человек, который вел по этому поводу следствие. А я была в это время в кабинете у Корнея Ивановича, у него стоял телефон на столе. Я взяла трубку и когда поняла, что это следователь, начала очень грубо отвечать. Он что-то спрашивает, а я говорю: «Не ваше дело», — еще что-то. Корней Иванович вытаращил глаза: «Ты как разговариваешь?!»

Потом как-то эта история рассосалась, уже не помню как, но эта сумка с самиздатом попала совершенно не туда, Ефим Григорьевич не то ее привязал к машине, а она отвязалась, не то забыл в магазине. В общем, какие-то были с этим неприятности.

” Когда его выслали, он мне сказал: «Дайте я хоть почитаю „Архипелаг“, хоть узнаю, а то я его закопал и так и не знаю, что там написано».

Конечно, когда с ним произошла эта жуткая история...

Н.Ф.: Какая именно, что вы имеете в виду?

Е.Ч.: Его за один день исключили из Союза [писателей], а на следующий день сняли с него все звания и выгнали с работы. В результате чего он и уехал.

Н.Ф.: Ну да.

Е.Ч.: И там была справка от КГБ, пришли с этой справкой. Ему в строку ставили в том числе и дружбу с Солженицыным. Но, когда он уехал, эта дружба быстро кончилась, там они столкнулись очень сильно.

А.И. Солженицын и Е.Г. Эткинд. 1966

Н.Ф.: А почему?

Е.Ч.: Мне отсюда рассказывать трудно, я могу только судить по тому... Во-первых, через какое-то время я сама очень сильно столкнулась с Эткиндом, это было тоже на расстоянии. А Александр Исаевич писал, что он его все время сравнивал с Хомейни...

Н.Ф.: С кем?

Е.Ч.: С аятоллой Хомейни...

Н.Ф.: Но это все-таки оскорбление... На основе чего это расхождение...

Е.Ч.: Эткинд печатал статьи, ему не нравилось, как выступал Солженицын.

Н.Ф.: А почему вы с ним разошлись?

Е.Ч.: Ефим Григорьевич быстро написал из Парижа, маме предложил, что будет заниматься ее делами там. У мамы же издания в это время шли в «ИМКА-пресс». И он ими действительно в какой-то мере занимался. Но так как он был человек очень легкомысленный и занятой, начали происходить разные большие неприятности с мамиными книжками.

Н.Ф.: Ну например?

Е.Ч.: Например, второй том. Я в этой комнатке обычно всегда сидела, а мама в той. Пришла какая-то к ней француженка, я при этом не присутствовала, вдруг меня зовут. Я вижу: мама лежит в полуобморочном состоянии на кровати и говорит: «Прочитай вот это письмо». Я читаю письмо от Никиты Струве, что вот рукопись второго тома, огромная, пропала из типографии. Это был год восьмидесятый... нет, чуть пораньше. Во-первых, это вообще опасно, во-вторых, это огромный труд. Создать эту рукопись и переправить ее туда — все было непросто. Мама в абсолютной панике, я бегу звонить представителю Эткинды — естественно, не из квартиры, а из переговорного пункта. Я ему звоню, он ничего про это даже не знает, то есть узнает от меня.

Н.Ф.: Эткинд?

Е.Ч.: Эткинд. Много было таких случаев, их не хочется все вспоминать.

Н.Ф.: Нет, это очень интересно, эта история.

Е.Ч.: Не буду эту историю я вспоминать. Короче говоря...

Н.Ф.: Тогда расскажите, почему не хотите.

Е.Ч.: Во-первых, я не помню уже. У мамы было много дел, все издания тогда шли в Париже, абсолютно все. Мама не любила деловых разговоров, но я писала Эткинду, что, вот, дорогой Ефим Григорьевич, видя предисловие к вашей книге, я читаю отрывок из рукописи маминой о Вигдоровой, которая вообще не выходила, а была послана ему на хранение. В общем, задаю ему какие-то вопросы по делам. Это мое письмо неизменно пропадает. Он пишет очень приветливое письмо, но «вашего письма я не получал», то есть получить от него какой бы то ни было ответ на поставленный вопрос было почти невозможно. Он писал очень приветливые симпатичные письма, но что хотел, то писал, а что не хотел, то не писал. Как деловой представитель он, конечно, не годился, потому что совсем был другой человек, очень занятой. Он был профессором, ездил по городам и весям, организовывал переводы русских писателей, то есть ему было не до этого. Но вместо того чтобы сказать: мне не до этого, он тоже петлял.

Н.Ф.: У вас к нему отношение лучше, Белинкова вы судите гораздо строже.

Е.Ч.: Да, к нему у меня отношение... Здесь у нас были очень хорошие отношения, я ездила его провожать в Ленинград, была на аэродроме, всячески сочувствовала его бедам, когда все это сразу обвалилось. У нас были общие друзья в Ленинграде, здесь у нас были хорошие отношения. Когда он ввязался в мамины дела, мне это стало не нравиться, как и что он делал.

Н.Ф.: А зачем он это сделал? Зачем ввязался?

Е.Ч.: Непонятно, зачем он ввязался, непонятно. Может быть, он сразу по приезде не вполне представлял, как у него сложится жизнь, я понимаю, что она была достаточно сложной.

Н.Ф.: Это же не приносило ему никаких денег?

Е.Ч.: Абсолютно ничего не приносило, кроме неприятностей.

Н.Ф.: Кроме, кроме ответственности, неприятностей.

Е.Ч.: Ничего. Но, понимаете, мы не можем отсюда видеть. Там сложились два лагеря, Эткинд сомкнулся с Синявским, с которым я враждовала.

С Ефимом Григорьевичем Эткингом

Конфликт с Синявским

Н.Ф.: Еще здесь?

Е.Ч.: Нет. Здесь я совершенно с ним не враждовала, а сразу, чуть он уехал, там произошел скандал. Вышел «Континент», и в первом номере была статья Синявского «Вторая литература и литературный процесс в России». Эту статью я прочитала, она мне безумно не понравилась. Он там воспел Белинкова, не упомянул Солженицына, то есть я сразу почувствовала, что это враг (*усмехается*), потому что все-таки статья выходит в 1976 году, и даже вообще ничего не сказано об «Архипелаге». Он пишет, что наша вторая литература — это Белинков, это Анатолий Кузнецов... были разные у него еще другие подходы. Я страшно возмутилась и написала статью против Синявского, которую послала...

Н.Ф.: Для «Континента»?

Е.Ч.: Нет, не для «Континента», а послала как раз своему другу Эткинду, но, не написав, что это я, подписалась «Советская образованщина», потому что параллельно мне очень не нравилась эта вылазка Солженицына против «образованщины». И эту статью примерно через полгода напечатали в «Русской мысли», о чем я не знала, потому что тогда не было связи. Но оказалось, что она послужила заповом. Синявский ответил, что — я там напала на Белинкова, написала, что он уехал из России с прекрасной

характеристикой от организаций наших, понимая, что без характеристики никого бы не выпустили, — а Синявский, написал, что это мог только агент КГБ знать, какая была характеристика. *(Усмехается.)* В общем, завязался большой скандал, и Эткинд, не в связи с этим скандалом, а вообще подружился с Синявским, который начал выпускать «Синтаксис». Они выступали против Солженицына, это был их просто образ жизни там.

Н.Ф.: А вы считаете, здесь главным был все-таки Синявский?

Е.Ч.: Конечно, Синявский. Я вообще к Синявскому отношусь очень плохо, и думаю, что это была какая-то его — либо он так и думал, либо это было какое-то... — миссия. Но, может быть, это эмигрантская неизбежность. Нам здесь, сидя на стуле, судить трудно об этом. Во всяком случае, это была неподдельная ненависть, которая проявлялась все время. Это видно и по статьям Солженицына, он от них отругивался, причем как он писал, далеко не всегда, а только изредка.

Андрей Донатович Синявский

Образованщина

Н.Ф.: А вот интересно, почему вам не понравился термин «образованщина» и почему вы и с этой стороны тоже нападали?

Е.Ч.: Мне почему не понравилась «образованщина», потому что я считаю, что... хотя Александр Исаевич написал, что образование ума не прибавляет, но я думаю, что не надо нападать на образование... В общем, мне это не понравилось, я считала, чувствовала и себя задетой, и себя причисляя тоже...

Н.Ф.: К «образованщине».

Е.Ч.: ...к «образованщине», конечно.

Н.Ф.: *(Смеется.)* Вряд ли с вами согласился бы Солженицын, потому что... Я это понимаю совсем иначе. Я понимаю, что «образованщину» он противопоставляет интеллигенции. Интеллигенция — это люди с социальной ответственностью, с ответственностью за страну, с болью за страну. Образованщина — это обыватель с образованием, которому наплевать, который приспособленец, который флюгер, вот в чем разница.

Е.Ч.: Знаете, тут можно о многом задуматься. Вчера ко мне приходил брат моей очень любимой приятельницы Бабёнышевой, которая уже, к сожалению, давно в Америке. Он занимается демографией, статистикой, подарил свои книги о Чеченской войне. Он пишет под псевдонимом Сергей Максудов. Не знаю, не попадался ли он вам. Он как раз — в том числе я хотела посмотреть — пишет и об этой цифре

у Солженицына, с которой постоянно спорят, но я даже пока не успела посмотреть, что он пишет.

Н.Ф.: Интересно.

Е.Ч.: Вообще интересно. А почему я об этом заговорила...

Н.Ф.: Но он живет здесь?

Е.Ч.: Нет, он живет в Америке, они приехали с женой на неделю и зашли с приветом от этой моей приятельницы. Он мне подарил эти свои книжки, которые я начала читать с интересом, потому что он успел мне сказать... Я как-то, когда началась Чеченская война, сочувствовала чеченцам, а он говорит, что они, прежде чем началась война, повыгоняли всех русских. У нас об этом не пишут и не говорят — в общем, у него свой взгляд. И как раз, когда он уходил, заговорили, что-то кто виноват, и он сказал: «Вот мы с вами во всем и виноваты». *(Усмехается.)* И с этим он ушел. Z сказала, что нет, я не согласна. Ну а в чем мы, собственно виноваты?

Н.Ф.: Это много пленки займет, но я расскажу потом. Да. Очень интересно все то, что вы рассказываете, но...

Е.Ч.: Да, это никак почти не относится к нашей теме.

Архивы Солженицына

Н.Ф.: На самом деле это и есть тема, потому что не просто перепечатывалось столько-то страниц — а это жизнь и борьба мнений. Я помню, была речь о том, что вы очень много перевозили текстов Александра Исаевича в Ленинград, там был тоже определенный круг читателей...

Е.Ч.: Ну, во-первых... Кстати, Эткинд, он же был профессором, вокруг него было много народу, он был человек очень общительный. Вообще Ленинград — это свой, особый мир, и он был очень заметной фигурой в этом мире, так же, как и другие друзья Александра Исаевича, но я далеко не всех там знаю, конечно. В частности, там был человек, у которого был аппарат для микрофильмирования. Помню, в какой-то раз я ездила...

Н.Ф.: Кто это был?

Е.Ч.: Не помню совершенно, это был какой-то знакомый Жени Пастернака, с которым... Помню, что у него был этот аппарат, который позволял снять чего-то, тогда же не было техники нынешней.

Н.Ф.: Да.

Е.Ч.: И я ездила с большим чемоданом солженицынских ценных документов, которые он собрал, рукописей. Даже не помню, что там было, в этом чемодане. Несколько дней мы снимали в какой-то коммунальной квартире эти рукописи. То есть Александр Исаевич всегда очень много думал и, конечно, не даром, о хранении. У него был колоссальный архив, и не было места для его хранения, все хранилось не у него.

Н.Ф.: А вы тоже как-то распределяли эти документы?

Е.Ч.: Да, я знала всех хранителей, встречалась [с ними] на каких-то углах. Да, была целая система, потому что надо было эти рукописи запрашивать, иногда, наоборот, отправлять, знать, где что лежит.

Н.Ф.: А как в то время, когда вы этим занимались, это было организовано?

Е.Ч.: Последнее, что я помню — но я не помню, было ли так с самого начала, — были марки.

Н.Ф.: Да-да-да.

Е.Ч.: То есть наклеивалась марка...

Н.Ф.: Это вроде бы придумала Наталья Дмитриевна.

Е.Ч.: Да, мне кажется, это она придумала. Я помню, потому что много занималась архивом, когда выслали Александра Исаевича. Я целый месяц сидела, и это приносили, все эти папки, этот архив ему отправлялся. Тоже что-то переклеивалось, чтобы знать, как, через кого отправили. Помню очень хорошо эти папки с марками, отдельно эти марки были. А до этого, думаю, это было не так организовано хорошо, но я знала этих хранителей, какие-то вела, видимо, записи, — я уже сейчас этого не помню.

Н.Ф.: А их можно назвать сейчас или не стоит?

Е.Ч.: Александр Исаевич, по-моему, их всех назвал. Это была Ламара*, не помню ее фамилии, приятельница Лени Крысина, с которым я и сейчас вижу. Он сейчас, по-моему, замдиректора Института русского языка. Кстати, Александру Исаевичу очень помогли его сотрудники, они его [Солженицына] записывали.

* Капанадзе Ламара Андреевна (1934—1999)

Н.Ф.: Записывали, да.

Е.Ч.: Но когда я стала у Лени просить эти записи — по-моему, в прошлом или позапрошлом году, — оказалось, что часть пропала, но что-то уцелело. И у Ламары было большое хранение, потому что с ней абсолютно никто не общался, кроме Лёни. Туда не ходил ни Солженицын к ней, ни я, но я ее видела раз-другой. И очень много хранилось у Александра Александровича Угримова, но не у него, а, как он говорил, «мои кроты», значит, у его «кротов». Вот основные известные мне хранители, их было двое... Я бы не могла назвать их адреса, случись что.

Н.Ф.: Да, понятно, понятно. Угримов, насколько я помню, он из политзаключенных, да?

Е.Ч.: Да, он француз, то есть не француз — его отца выслали на пароходе философском. И он жил во Франции, участвовал в Сопротивлении французском, дружил с Даниилом Андреевым, он был инженером, по-моему...

Н.Ф.: Он не мог дружить с Даниилом...

Е.Ч.: С Вадимом, с Вадимом. А потом вышла его книжка, она у меня есть. Вы, наверное, тоже ее видели, после его смерти издали его родственники. Оказалось, что французы выслали его почему-то. Он вынужден был вернуться в Россию. А женат он был на дочери Муравьева, который принимал завещание Льва Толстого. Ирина Николаевна. Она очень не хотела ехать в Россию. Короче говоря, когда они приехали в Россию, очень быстро его посадили, и он просидел очень долго. Но он был человек веселый, жизнерадостный и очень симпатичный. Много я с ним общалась, потому что потом он участвовал в строительстве кооператива художников почему-то, был там чуть не главный. Получил там квартиру и жил близко от меня в Брюсовском переулке. Он был из Франции, с французским воспитанием, и когда он приходил по делам, поскольку здесь мама жила, тут сидела ее помощница, мы всегда с ним на кухне пили чай. В какой-то момент он мне сказал: «Во Франции тоже, когда хотят унижить человека, его всегда на кухне поят чаем». (*Смеется.*) Я запомнила это. Он был очень симпатичный человек.

Н.Ф.: Он давно умер?

Е.Ч.: Давно. А дочка его, Татиша так называемая, с трудом приживалась в России, так и не прижилась. Хотя, когда ее привезли, ей было двенадцать лет. Но родителей посадили, ее вырастила...

Н.Ф.: Маму тоже посадили?

Е.Ч.: Да, Ирина Николаевна тоже сидела. Тоже была очень жизнерадостным человеком. Когда Александр Исаевич хотел печатать «Невидимок», он мне прислал письмо, что я должна получить согласие у всех, кого я знала. И я, в частности, передала главу об Александре Александровиче Ирине Николаевне. И она меня позвала — а я хорошо знаю эту улицу, потому что я по ней ходила в школу, они жили точно напротив церкви, а рядом садик. Мы с ней пришли в этот садик, и она мне говорит: «Ну как же можно,

он тут все написал». Ей это показалось очень страшным, что так все расписано об участии Александра Александровича...

Н.Ф.: Это 1970-е или 1980-е?

Е.Ч.: Нет, не 1980-е, это, я думаю, конец 1980-х.

Н.Ф.: То есть тогда это потом и вышло, в 1991-м, в «Новом мире».

Е.Ч.: Да, то есть он [Солженицын] еще там, но уже здесь печатался. Ирине Николаевне это показалось очень опасным.

Н.Ф.: То есть они не вернулись, когда можно было во Францию?

Е.Ч.: Нет, не вернулись.

Н.Ф.: И их дочь тоже?

Е.Ч.: Дочь тоже не вернулась, она умерла здесь довольно быстро. Ирина Николаевна тоже умерла вскоре после его смерти.

Н.Ф.: А Угримова уже не было в живых, когда печаталось это, и вы спрашивали его жену.

Е.Ч.: Нет, его не было, я спрашивала ее, его не было.

Н.Ф.: Ну да, это, в общем, можно понять...

Е.Ч.: Это 1991 год, вообще никто не очухался еще.

Н.Ф.: Ну да, и эта закалка эковская.

Н.Ф.: Мы уже говорили о круге ваших знакомств, и вы стали рассказывать о взаимоотношениях с Якобсоном*...

* Якобсон Роман Осипович (1896—1982) – российский и американский лингвист и литературовед, участник и исследователь русского авангарда. 21 августа 1967 года состоялась беседа Дувакина с Якобсоном о его дружбе с Маяковским. Опубликовано по ссылке — <http://oralhistory.ru/talks/orh-17>

Е.Ч.: Ну, нет, здесь-то я ничего не могу рассказывать, потому что я могу сказать, что мама была восхищена им, очень ценила его как критика и с ним очень дружила, считала, что он как никто понимает стихи, — в общем, относилась к нему с восторгом, в отличие от меня, которую очень раздражала его всегдашняя нервность, взбудораженность, взведенность нервическая. Плюс какой-то раз мы столкнулись из-за Солженицына. Потому что что-то происходило, из-за чего он хотел моментально связаться с Солженицыным, который находился у Ростроповича. Александр Исаевич отказался с ним встречаться в спешке, я была какой-то передающей инстанцией, и что-то [мы] столкнулись. Но дело не в этом, а в том, что я, в отличие от мамы, не была увлечена ни тем, что я читала, в общем, ничем.

Н.Ф.: Ну да. Но он довольно часто бывал у вас?

Е.Ч.: Он часто бывал, да, потому что он, во-первых, дружил с нашей Klarой, так что бывал часто и в Переделкине, бывал здесь у мамы.

Н.Ф.: По-моему, у дочки Клары Израилевны* он не преподавал, потому что у нее Тугова была преподаватель.

Е.Ч.: Это я не знаю. Нет, по-моему, преподавал, во всяком случае, Клара его знала, его школьные заслуги. И вообще с ним очень дружила.

* Клара Израилевна Лозовская — секретарь Корея Чуковского.

Н.Ф.: С ним многие дружили.

Е.Ч.: Да.

Н.Ф.: Он, кстати, умел дружить, был очень талантливым другом.

Е.Ч.: Да, Карякин его тоже вспоминает с восторгом.

Н.Ф.: Это, честно говоря, удивительно: человека нет в живых уже столько лет, и в трех городах в его юбилей собираются полные залы: в Иерусалиме, Бостоне и Москве. Это о чем-то говорит, конечно.

Е.Ч.: Вероятно.

Н.Ф.: Конечно. Возвращаясь к вашей помощи Александру Исаевичу: об этом знал Корней Иванович?

Е.Ч.: Немножко, я бы сказала. Во-первых, Корней Иванович в последние годы сам избегал каких-то волнующих моментов, а Александр Исаевич все эти годы, начиная с 1966-го, находился в бою непрерывном. Он сам, когда приезжал в Переделкино, рассказывал Корнею Ивановичу все это иронически легко и свободно. Корнею Ивановичу я читала «Раковый корпус», и, по-моему, на этом... Он читал, конечно, «Ивана Денисовича» и рассказы, об «Архипелаге» он не знал вообще о его существовании, а «В круге» не читал.

К.И. Чуковский и А.И. Солженицын. Переделкино

Н.Ф.: А «Раковый корпус» — он как отнесся?

Е.Ч.: В общем, с интересом, хорошо отнесся.

Н.Ф.: Он очень высоко оценил «Один день Ивана Денисовича».

Е.Ч.: Я бы сказала, что к «Раковому корпусу» он отнесся слабее, чем к «Одному дню Ивана Денисовича». Может быть, там было больше удивления или, не знаю, больше огня.

Н.Ф.: В «Одном дне»?

Е.Ч.: В «Одном дне». В общем, ему нравился «Раковый корпус». Но он остерегался отрицательных впечатлений, например, «Круг» побоялся читать, а он мог бы его прочитать. Про «Архипелаг» он не знал. Но он читал рассказы, «Правую кисть», допустим.

Наталья Алексеевна Решетовская*

* Наталья Алексеевна Решетовская (1919—2003) — первая жена Александра Исаевича Солженицына.

Н.Ф.: А когда вы познакомились с Натальей Алексеевной? Когда вы перепечатывали...

Е.Ч.: Нет, по-моему, раньше. Я точно не помню, когда...

Н.Ф.: То есть вам приходилось ездить в Рязань по каким-то делам?

Е.Ч.: Нет, в Рязань я ездила один раз, единственный, вместе с братом, мы ездили в 1970 году, когда Солженицын жил у Ростроповича. Как-то он договорился с Натальей Алексеевной, совершенно помимо меня, и мы вывозили часть архива оттуда. Но потом все-таки часть [архива] пропала, она тогда ему не отдала. Как мне говорила Наталья Дмитриевна, то, что мы привезли, она потом частично увезла опять с дачи Ростроповича, и какого-то куска архива у них нету, как раз очень важного периода. Это был единственный раз, что я была в Рязани, уже на новой квартире, на улице Яблочкова. И причем мы ехали с братом за один день туда и обратно, так что просто зашли и вышли.

С Натальей Алексеевной я познакомилась до того, как были у них на даче, но сейчас мне трудно вспомнить, когда именно. Во всяком случае, в 1968 году праздновалось пятидесятилетие Солженицына, и уже в это время я была знакома с ней хорошо. Дело в том, что у Александра Исаевича еще была территория в Москве — квартира Вероники Туркиной, до нас он останавливался всегда там, в Соколе. Но здесь ему было лучше: в нашем дворе жил Копелев, и «Новый мир» был, можно сказать, за углом. Но он там тоже бывал, и там бывала Наталья Алексеевна, и я туда ездила довольно часто с какими-то рукописями, с какими-то делами. По-моему, там я познакомилась с Натальей Алексеевной.

Н.Ф.: И как с ней складывались отношения?

Е.Ч.: У меня были неважные с ней отношения, это проявилось уже в момент развода, но я всегда...

Н.Ф.: А в чем это проявилось?

Е.Ч.: Она мне закинула какие-то подметные письма, а ее адвокат... В общем, была между нами стычка. Сейчас уже не помню, в чем она выражалась, но было какое-то столкновение. А так она мне не нравилась. Тоже какой-то взвинченностью, я бы сказала, даже истеричностью. Но я мало с ней пересекалась. Она в Москву приезжала реже гораздо, чем он. Собственно, я ее видела на даче, но там было тоже не до общения, потому что сидели с утра до ночи и занимались работой.

Н.Ф.: В общем, вы ее сторонились, да?

Е.Ч.: В общем, да. Мы сильно с ней не пересекались.

Александр Солженицын и Наталья Решетовская

Н.Ф.: А какие у Елизаветы Денисовны с ней были отношения?

Е.Ч.: Я не знаю.

Н.Ф.: Все-таки вы их вместе наблюдали. И они вместе работали над перепечаткой какого-то тома.

Е.Ч.: Этот третий том печатала Елизавета Денисовна. Не знаю, жили мы в гостях, были отношения внешне вполне нормальные. Мне трудно сказать, потому что я не помню никаких высказываний на этот счет Елизаветы Денисовны. А когда мы там были, никаких столкновений не было.

Н.Ф.: Понятно. А вот у меня есть ощущение, что между Елизаветой Денисовной и Александром Исаевичем произошел разлад в конце 1960-х — начале 1970-х.

Е.Ч.: Ну да, жизнь становилась все труднее и опаснее, а Елизавета Денисовна была человек очень активный. Я сейчас боюсь что-нибудь напутать, но, помню, я тоже в последний приезд в Ленинград очень была возмущена Елизаветой Денисовной и даже, помню, к ней не зашла, а обычно всегда [заходила]...

Н.Ф.: А почему?

Е.Ч.: Не помню, какие-то лишние разговоры... Не могу вспомнить, может, что-то она не туда передала... Было какое-то расхождение. Хотя она мне писала до последнего времени, и писала из Крыма, последние все ее письма были ко мне. Мы с ней не ссорились, но какие-то были неудовольствия. Не помню уже сейчас, сколько лет прошло с этого 1973 года...

Елена Сергеевна Булгакова

Н.Ф.: Я у Александра Исаевича в «Солженицынских тетрадах» прочитал переписку с Булгаковой...

Е.Ч.: Да, с Еленой Сергеевной...

Н.Ф.: Да, да-да, с Еленой Сергеевной Булгаковой. Там сказано, что какое-то дополнение к «Архипелагу» сделала Булгакова: вот, «ответьте на вопрос, человек, который передаст эту записку, мое доверенное лицо».

Е.Ч.: Это Наталья Дмитриевна, я думаю.

Н.Ф.: Нет, это 1968 год, они еще не были знакомы. Это май 1968 года, а они познакомились в августе 1968-го.

Е.Ч.: Ну, не знаю, по-моему, это была не я. Дело в том, что с Еленой Сергеевной я была очень хорошо знакома, потому что в Ташкенте мы жили в одном дворе. Я, по-моему, рассказывала, что я с ней встречалась при получении каких-то сертификатов, мы с ней стояли в очереди, гонорар Корнея Ивановича я получала по его доверенности, а она тоже, значит, получала. Мне это запомнилось потому, что была страшная жара, что я не переношу, и мы с ней шли вместе по Арбату, а там был магазин, где продавали пуговицы, и я шла только с одной мыслью: поскорей куда-нибудь дойти. А Елена Сергеевна вдруг, к моему ужасу, меня повлекла в этот магазин, где продавали пуговицы, и очень долго выбирала пуговицы для халата, что меня просто поразило, такая ее жизненная хватка. Я у нее была в квартире в какой-то другой раз, но не помню, чтобы это было связано с Солженицыным. По-моему, нет.

Н.Ф.: Скорее всего, это были не вы, а кто-то еще.

Е.Ч.: Да, по-моему, это не я.